

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-78-291-319>

УДК 726.03

ББК 85.113(2)

Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2025 г. Н.А. Мерзлютина

г. Москва, Россия

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ АРХИТЕКТУРНЫХ ФОРМ БОЛЬШОГО СОБОРА ДОНСКОГО МОНАСТЫРЯ

Работа выполнена в рамках Плана фундаментальных научных исследований РААСН
и Минстроя России на 2025 год, тема 1.1.1.4.

Аннотация: Статья посвящена изучению Большого собора Донского монастыря — важного памятника русского церковного зодчества, первый этап строительства которого проводился в 1684–1686 гг. в период регентства царевны Софьи Алексеевны (1682–1689) по инициативе ее младшей сестры Екатерины Алексеевны, а завершение работ и освящение собора состоялось только в 1698 г. Сооружение грандиозного Нового собора традиционно связывается с подготовкой к Крымским походам князя В.В. Голицына 1687 и 1689 гг. В то же время, его возведение, возможно, отмечало и другое важное историческое событие середины 1680 гг. — присоединение Киевской митрополии к Московскому Патриархату. В архитектурном облике собора наблюдается сознательное сочетание украинских форм, выразившееся в центрическом плане и объемно-пространственном решении с расстановкой глав по сторонам света, а также русских «корней», нашедших выражение в интерьере храма, круглые столбы которого на квадратных постаментах прямо «цитируют» особенности сакрального пространства Успенского собора Московского Кремля. На строительстве Большого собора, очевидно, работали украинские и русские мастера, не только имевшие на руках проектное задание и чертежи украинского храма (как предполагалось ранее, Никольского собора в Нежине), но и обладавшие непосредственными знаниями особенностей украинских построек, таких как Троицкий собор Густынского монастыря (1672–1676), заказчиком которого являлся гетман И.С. Самойлович, и Никольский собор Крупицкого Батурицкого монастыря (1680–1681), из которого епископ Гедеон был призван в Москву и рукоположен в митрополита Киевского, Галицкого и всея России.

Ключевые слова: Большой собор Донского монастыря, царевны Софья Алексеевна и Екатерина Алексеевна, церковное зодчество, царское строительство.

Информация об авторе: Наталья Алексеевна Мерзлютина — кандидат искусствоведения, НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства, Душинская ул., д. 9, 111024 г. Москва, Россия,

E-mail: merzlutina@mail.ru

Дата поступления статьи: 11.09.2025

Дата одобрения рецензентами: 17.11.2025

Дата публикации: 28.12.2025

Для цитирования: Мерзлютина Н.А. К вопросу о генезисе архитектурных форм Большого собора Донского монастыря // Вестник славянских культур. 2025. Т. 78. С. 291–319. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-78-291-319>

Большой (или Новый) собор Донского монастыря — один из самых ярких памятников московской церковной архитектуры конца XVII столетия. Его необычные формы привлекали внимание специалистов разных поколений. При этом, на сегодняшний момент отсутствует отдельное специальное исследование этого храма¹. Данная статья посвящена анализу источников архитектурных форм собора, причинам его сооружения, определению места и значения этого памятника, выполненного по указу представителя царского дома, среди сакральных построек нового стиля, получившего впоследствии наименование «нарышкинского».

В начале скажем несколько слов об истории монастыря, предшествовавшей строительству на его территории грандиозного Нового собора. Донская обитель была основана в память о заступничестве Донской иконы Богоматери за Москву во время нашего нашествия Крымского хана Казы-Гирея в 1591 г. и получила свое название по наименованию чудотворной святыни, издревле почитавшейся помощницей в борьбе с татарами, с тех времен, когда великий князь Дмитрий Донской победил с ней нашествие хана Мамай [15, с. 1]. По молитвам чудотворному образу Казы-Гирей в страхе отступил со своим войском от столицы. Царь Феодор Иоаннович велел поставить каменную церковь во имя Богоматери и основать обитель на том месте, где располагался Обоз (главный стан русского войска), гуляй город (дощатая подвижная крепость) и полотняная церковь преподобного Сергия Радонежского, в которой находилась Донская икона Богоматери, и основать крестный ход в обитель 3 января [15, с. 1–8]. Старый собор был возведен в 1591–1593 гг., вероятно, по заказу боярина Бориса Федоровича Годунова, главного организатора разгрома войск Казы-Гирея [32, с. 272–273].

События Смутного времени привели к запустению монастыря, но уже первый царь новой династии Романовых — Михаил Федорович сделал вклад в обитель — богослужебные печатные книги [15, с. 9, 88]. О заступничестве Донской иконы Богоматери вновь вспомнили в 1646 г., когда крымские татары напали на юго-западные окраины государства. Молодой государь Алексей Михайлович 2 января молился перед Донской иконой в Благовещенском соборе, а на следующий день совершил крестный ход в Донской монастырь, после чего враг вновь был побежден [15, с. 10–11]. После этого события царские крестные ходы в обитель совершались регулярно, но в разное время, а с 1649 г. для крестного была установлена конкретная дата хода — 19 августа (1 сентября по новому стилю), ставшая днем почитания Богородичного образа и престольным праздником Донского монастыря. В 1650 г. незначительная на то время Донская обитель была приписана к Андреевскому монастырю [15, с. 13–14].

Государственный интерес к Донскому монастырю оживился в правление царя Федора Алексеевича и совпал со временем Турецко-крымской войны и Чигиринских

¹ Автору удалось познакомиться с выпускной работой бакалавра Кафедры истории отечественного искусства МГУ П.Ю. Кудряшовой «Большой собор Донского монастыря в контексте эпохи и стиля» (2017), посвященной конкретно этому памятнику, в которой собрана основная литература и высказан ряд ценных соображений относительно архитектуры памятника.

походов 1677 и 1678 гг., когда войска гетмана И.С. Самойловича разгромили на украинской территории отряд турецкого султана, наступившего на г. Чигирин [1, с. 16]. В этот период царь Федор Алексеевич велел обновить Старый собор, пристроить к нему два придела (южный — в честь преподобного Сергия, в память о полотняной церкви, и южный — в честь великомученика Феодора Стратилата — небесного патрона государства), трапезную и колокольню, а монастырь вновь получил прежнюю самостоятельность. Кроме того, была сооружена новая ограда обители с двумя каменными воротами [15, с. 16–18].

Таким образом, с самого своего основания и в правление трех первых государей из династии Романовых Донской монастырь и находившаяся в нем святыня непрерывно ассоциировалась с помощью в борьбе с одним и тем же врагом — крымскими татарами, на последнем этапе помогавшими туркам.

После смерти царя Феодора Алексеевича в период регентства царевны Софьи Алексеевны (1682–1689) опеку над монастырем продолжила их сестра — царевна Екатерина Алексеевна, стараниями которой в 1683 г. обитель получила статус архимандрии; было завершено обновление внутреннего убранства Старого собора, а обители пожалованы новые земли и приписано несколько монастырей.

В 1684 г. по обету царевны Екатерины Алексеевны был заложен Новый каменный собор, а двумя годами позднее — в 1686 г. — начато сооружение каменной ограды Донского монастыря [15, с. 19–20]. Постройка собора проводилась за счет царской казны в ведении Казенного приказа, но была приостановлена в связи с очередным обострением политической ситуации и Крымским походом во главе с князем В.В. Голицыным, предпринятым в 1687 г. Донская икона Богоматери была отправлена 8 мая в сопровождении первого архимандрита Никона и других священников и дьяконов в полки, стоявшие в Малороссии. Через два года был предпринят второй Крымский поход под предводительством того же князя В.В. Голицына.

Приостановленное возведение Нового собора, выстроенного к 1686 г. до глав, было возобновлено в 1692 г. тщанием второго архимандрита Антония (Одиновича), управлявшего обителью с 1689 г. [15, с. 25]. В 1692 г. была заключена Подрядная запись о достройке соборной церкви. Костромские и ярославские каменных дел подрядчики и каменщики Михаил Лухмяга, Григорий Черноусов, Иван Ферапонтов и Петр Гладец подрядились закончить храм к сентябрю 1693 г. В качестве образцов для возводимых ими трех лестниц церковной паперти были указаны лестницы трапезных храмов Новодевичьего и Симонова монастырей [15, с. 146–148]. Новый собор был торжественно освящен 21 августа 1698 г. митрополитом Сарским и Подонским Тихоном [15, с. 38].

Под алтарем собора в 1712 г. была устроена и 24 сентября освящена церковь Сретения Господня на средства Имеретинского царя Арчила Вахтанговича, годом ранее похоронившего там своих сыновей и превратившего тем самым этот храм в свою фамильную усыпальницу. Через год сам царь Арчил был похоронен в новом храме, а в 1729 г. на средства его дочери царевны Дарии Арчиловны к церкви был пристроен алтарь [15, с. 63–64]. Иждивением царевны первоначальный пол основного храма, покрытый дубовым паркетом, был заменен на железные плиты в 1724 г. [15, с. 52].

Большой собор неоднократно поновлялся, в частности чинились кровли. Центральная глава вызолочена в 1800 г., остальные четыре покрыты ярью и украшены звездами при архимандрите Викторе и возобновлены в 1856 г. иждивением архиепископа Евгения [15, с. 41]. Внутри храм оставался побеленным до украшения его росписями в 1782–1785 гг., выполненными художником А.И. Клаудио по эскизам В.И. Баженова и поновлявшимися в 1856 г. [15, с. 42–43].

В соборе сохранился роскошный иконостас, на построение которого царица Наталия Кирилловна и царь Иоанн Алексеевич еще в самом начале строительства пожаловали 500 руб. [15, с. 43]. В местном ряду находится икона великомученицы Екатерины — небесной покровительницы заказчицы, царевны Екатерины Алексеевны, и парная ей икона мученицы Ирины — покровительницы И.С. Кириловой, вкладчицы монастыря. Перед образом св. Екатерины ранее висела лампада, сооруженная, судя по имевшейся надписи, 18 марта 7192 (1684) г. по обещанию царевны и похищенная французами в 1812 г. [15, с. 48–49]. У правого столба ранее имелись расписанные под мрамор хоры для царской семьи, с потолком, украшенным небом и звездами, на которых были расположены три царские места [15, с. 51].

История строительства величественного восьмیارусного иконостаса подробно исследована М.В. Николаевой [29, с. 257–321]. Работы по его сооружению проводились в два этапа и продолжались около десяти лет. На первом этапе — с июня 1688 по февраль 1689 г. — они велись за счет государственной казны. По указу князей В.В. Голицына и А.В. Голицына деньги на оплату мастеров должны были поступать в Посольский приказ из подведомственного Устюжского приказа. «Лесные» припасы поставлял в Донской монастырь для иконостасных работ резного дела мастер (старец Ипполит. На втором этапе — с ноября 1692 г. по 19 августа 1698 г. — работы проводились за счет средств монастыря и частных жертвователей, среди которых были: думный дьяк Я.А. Кирилов, а после его смерти — вдова Ирина Симоновна; гость Логин Кондратьевич (по всей видимости, строитель церкви Воскресения в Кадашах Л.К. Добрынин); «именитый человек» Г.Д. Строганов; боярин Л.К. Нарышкин; род боярина А.С. Шеина; боярин князь В.В. Голицын; боярин князь Ф.В. Долгоруков и другие. Исполнением местного и праздничного рядов иконостаса руководил Карп Иванов Золотарев, сначала в качестве штатного золотописца Посольского приказа, затем по подрядному договору с монастырским руководством. Десять икон Страстного цикла были написаны мастером из г. Почепа Евстафием Ивановым.

На алтарной стороне собора имеются обширные хоры, на которых, по некоторым сведениям, располагались певчие во время служб и где пытался укрыться от мятежников архиепископ Амвросий (Зертис-Каменский) 16 сентября 1771 г., но был обнаружен и растерзан [11, с. 11, 24].

Большой собор поставлен точно в центре монастырской территории, имеющей правильную квадратную форму плана со стороной 277 м (130 саженей), что подчеркивает общую регулярную композицию ансамбля, связанную с европейскими идеями градостроительства, с главной доминантой в центре [36, с. 28–31].

Формы Нового собора демонстрируют гармоничное сочетание русских и украинских черт сакрального зодчества. Монументальный храм, выстроенный из кирпича с использованием белокаменных деталей в оформлении карнизов и окон, представляет собой крупное центрическое четырехстолпное пятиглавое сооружение, поднятое на высокий подклет и окруженное по периметру двухъярусными галереями-гульбищами. И. Забелин указывает размеры собора: 14,5 сажень (около 31 м) от горнего места до западных дверей и 14 сажень (около 30 м) от южных до северных дверей [15, с. 41]. В основу плана положена характерная для украинского зодчества форма равноконечного креста с закругленными лепестками-экседрами [10, с. 435–436], а в углах ветвей креста добавлены выступы, придающие, по мнению С. Доброумова, кресту «как бы сияние» [11, с. 20–21].

Западные выступы имеют прямоугольную форму, а восточные скруглены и образуют характерную для русской традиции трехабсидную композицию с алтарем в центре, жертвенником и дьяконником — по сторонам. Скругленные формы восточных компартиментов скрывают легкую вытянутость собора с запада на восток. Первоначально угловые компартименты были понижены относительно рукавов креста и имели отдельные разноуровневые кровли, что можно наблюдать на ранних изображениях собора: на гравюре П. Пикара начала XVIII в. [1, с. 7]; на прориси первой половины XVIII в. с иконы, изображающей Большой собор со стоящими по сторонам преподобными Антонием и Феодосием Печерскими [13, с. 298], написанной, очевидно, по заказу архимандрита Антония на рубеже XVII–XVIII вв. и повторяющей изображение святых по сторонам местного ряда иконостаса (**иллюстрация 1**); и на иконе-конклюзии с изображением Донской иконы Богоматери с сюжетами из Киево-Печерского патерика конца XVII — начала XVIII в., также исполненной по заказу архимандрита Антония — выпускника Киево-Могилянской коллегии [30, с. 406–411] (**иллюстрация 2**).

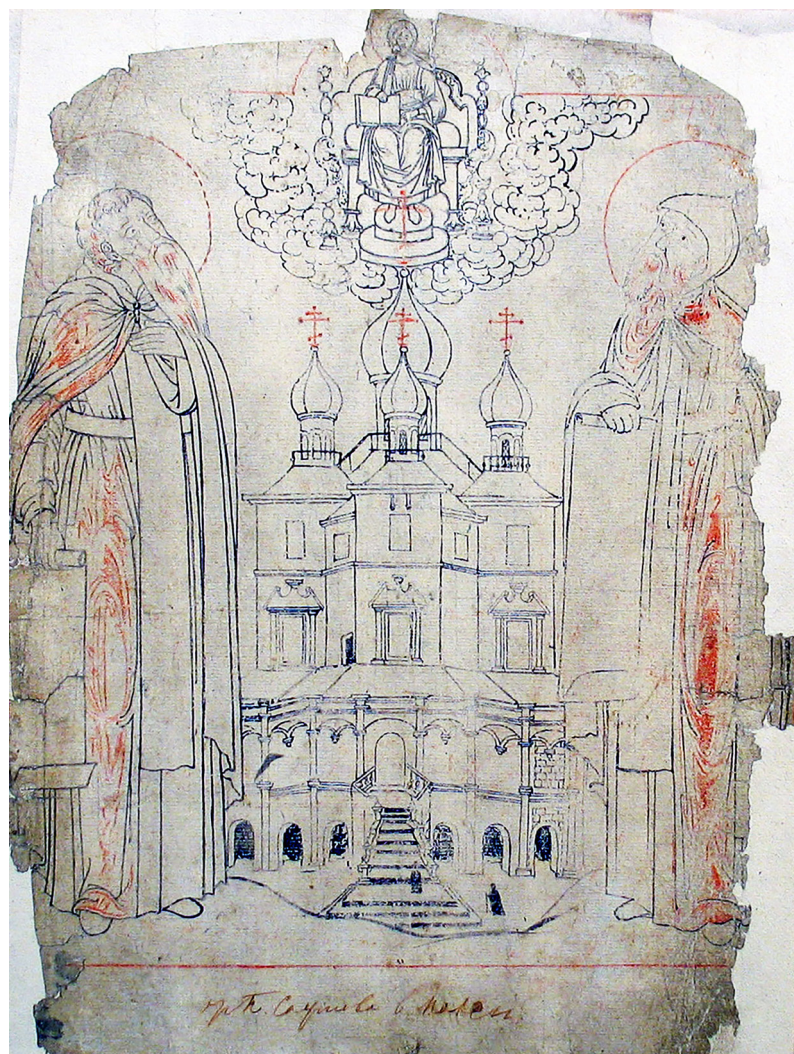

Иллюстрация 1 — Прорись с иконы конца XVII – начала XVIII в. с изображением Большого собора Донского монастыря [13, с. 298]

Figure 1 — A Drawing of an Icon of the late 17th and Early 18th Centuries Depicting the Bolshoi Cathedral of the Donskoi Monastery [13, p. 298]

Иллюстрация 2 — Изображение Большого собора Донского монастыря на иконе конца XVII – начале XVIII в. [30, с. 406–411]

Figure 2 — Image of the Bolshoi Cathedral of the Donskoi Monastery on an Icon from the Late 17th and Early 18th Centuries [30, p. 406–411]

В 1840 гг. углы собора были надстроены и закрыли первоначальный антаблемент с живописным фризом, опоясывающим собор по периметру. Его фрагменты были обнаружены при реставрации собора, проводимой под руководством Н.Н. Соболева в 1948 г.,

в результате которой специалисты выявили также, что отдельные детали (в частности, наличники) имели полихромную раскраску [1, с. 21–22]. По всей видимости, именно с работами по изменению кровли собора 1840 гг. связан чертеж плана и фасада крыши собора, созданный неизвестным архитектором середины XIX в. (на сохранившемся чертеже изображен только фасад) (ГИМ ИР 831) (**иллюстрация 3**). Работы были выполнены до 1851 г., так как на картине Ф.А. Клагеса, датируемой именно этим годом, собор изображен уже с повышенными угловыми компартиментами и новой кровлей (ГИМ ИР 1921). Фасады собора первоначально были окрашены в белый цвет, что также отражено на картине Клагеса (**иллюстрация 4**). Первоначальный облик памятника можно представить себе по проектам реконструкции собора, выполненным П.Н. Максимовым и Н.Н. Соболевым [13, с. 347, 349]. Внутреннее устройство храма прекрасно читается на разрезах, выполненных Н.Н. Соболевым, С.Г. Хмельницким и Л.К. Ковальским в 1952 г. (ГНИМА ОФ 1790–308. РВ 6666–1 и РВ 6666–1) (**иллюстрация 5**). Перестройка середины XIX в. изменила первоначально пирамидальный характер объемов храма на башнеобразный.

Иллюстрация 3 — План и фасад крыши на соборе ставропигиального Донского монастыря.

Чертеж неизвестного архитектора. Середина XIX в. ГИМ. Публикуется впервые

Figure 3 — Plan and Facade of the Roof on the Cathedral of the Donskoi Monastery. Drawing by an Unknown Architect. Mid-19th Century. GIM. Published for the First Time

Иллюстрация 4 — Клагес Ф.А. Большой собор Донской иконы Богоматери в Донском монастыре. 1851 г. ГИМ. Публикуется впервые
Figure 4 — Klages F.A. The Bolshoi Cathedral of the Donskoi Icon of the Mother of God in the Donskoi Monastery. 1851. GIM. Published for the First Time

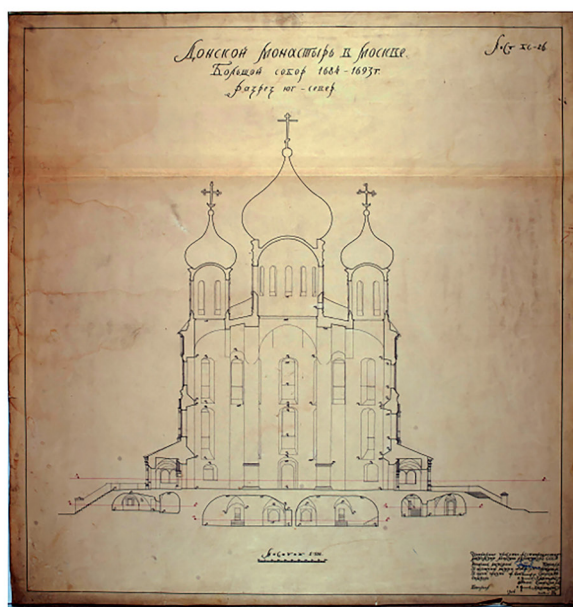
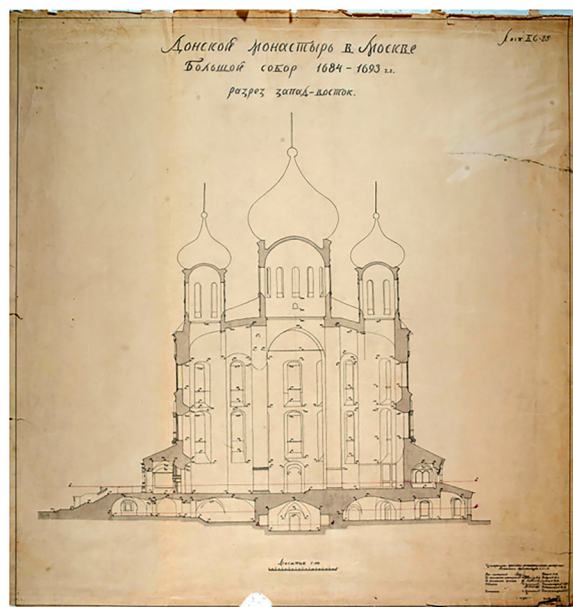

Иллюстрация 5 — Большой собор Донского монастыря. Разрезы. Соболев Н.Н., Хмельницкий С.Г., Ковальский Л.К. 1952 г. ГНИМА. Публикуется впервые
Figure 5 — The Bolshoi Cathedral of the Donskoi Monastery. Incisions. Sobolev N.N., Khmel'nitsky S.G., Kovalsky L.K. 1952. GNIMA. Published for the First Time

Центральная глава расположена четко в средокрестии, боковые венчают рукава креста и поставлены по сторонам света, по-украински, при этом при взгляде с углов венчающая часть воспринимается традиционно и обнаруживает большое сходство с московскими памятниками XVII в., в частности — с Покровским собором царской усадьбы Измайлово (1671–1679). За исключением декора верхней части, украшенной изразцовым фризом, и нижней, оформленной кокошниками, центральная часть барабанов глав измайловского собора оформлена точно так же — крупным аркатурным поясом с дыньками и расположенными в интерколумниях через один вытянутыми окнами с полуциркульными завершениями. Ориентация форм и характера декора глав на памятники 1670 гг. позволяет утверждать, что их возведение (во всяком случае замысел) относятся к первоначальному этапу строительства храма — к середине 1680 гг.

На иконной прориси изображены обходящие галереи с намеченными балюстрадами, идущие поверх сводов вокруг барабанов глав, а также соединительные переходы между главами. Подобные галереи, окружающие барабаны глав, в памятниках конца XVII в. нам неизвестны, но похожие балюстрады в верхних этажах монастырских построек существовали. В частности, документально известно, что открытое гульбище с парапетом окружало верхний деревянный этаж Трапезного комплекса Новодевичьего монастыря (1684–1687) [12, с. 215], указанного наряду с таким же комплексом Симонова монастыря в качестве образца мастерам при возведении лестниц на галереи в 1692 г. Возможно, вокруг глав Большого собора также существовали деревянные обходные галереи.

Большой собор окружен по периметру двухъярусной галереей-гульбищем, открытой в нижнем ярусе и образованной крупными постаментами, оформленными сдвоенными полуколоннами и перекинутыми между ними арками. В верхнем ярусе каждый постамент оформлен одной полуколонной, а помещенные между ними арки образованы сдвоенными арочками с гирькой посередине. Судя по изображению на прориси, верхний ярус галерей также был первоначально открыт. Нижний ярус окон собора проходит в уровне кровли галерей. Окружающая собор паперть достраивалась в 1717–1718 гг. [15, с. 40]. При строительстве самих галерей собора, по нашему мнению, мастера могли ориентироваться на двухъярусные галереи, опоясывающие с трех сторон Смоленский собор Новодевичьего монастыря. Ориентация на Новодевичью обитель наблюдается также в характере стен, башен и нижнего яруса ворот [36, с. 30]. Важно, что первый этап строительства Большого собора Донского монастыря (середина 1680 гг.) совпадает с сооружением ансамбля Новодевичьего монастыря, осуществленным по инициативе царевны Софьи Алексеевны [27, с. 209–236].

На фасадах Большого собора расположено два яруса окон. Нижние окна фланкированы колоннами с кубоватыми капителями и завершаются треугольными намершиями с разорванными фронтонами с небольшими выкружками и венчающими бобышками. Колонки на окнах экседра перетянуты жгутом, на окнах угловых компартиментов на колонках добавлены дыньки. Форма оконных наличников близка оформлению окон Воскресенского собора Новоиерусалимского монастыря [11, с. 21] и второго этажа центральной части палат В.В. Голицына в Охотном ряду (1687–1689) [1, с. 22]. Капители колонн представляют собой трапециевидные необработанные каменные блоки.

Между окнами помещен фриз из обломов, опоясывающий собор по периметру и зрительно делящий здание на два яруса. Второй фриз имеется под кровлей собора.

Причем по верху экседр проходит двойной многопрофильный фриз, а по верху угловых компартиментов — одинарный. Но двойной проходит ниже и, очевидно, отмечает их первоначальную высоту. В верхней части экседр над центральными окнами имеются прорезающие верхние тяги киоты в виде обрывающихся по сторонам пилястр с помещенными в них образами Донской иконы Богоматери. С южной стороны к собору примыкает ризница — двухэтажная пристройка, выполненная по проекту архитектора В.С. Обухова в 1748 г. [40, с. 444–446; 13, с. 299].

Интерьер собора производит сильное впечатление за счет общей высоты, а также слитности пространства, которое «развернуто» на иконостас, прислоненный к восточной паре столбов. Западные опоры свободно расположены в храмовом пространстве. Их круглая форма на квадратных постаментах, оформленных киотами, «отсылает» к интерьеру Успенского собора Московского Кремля (иллюстрация 6).

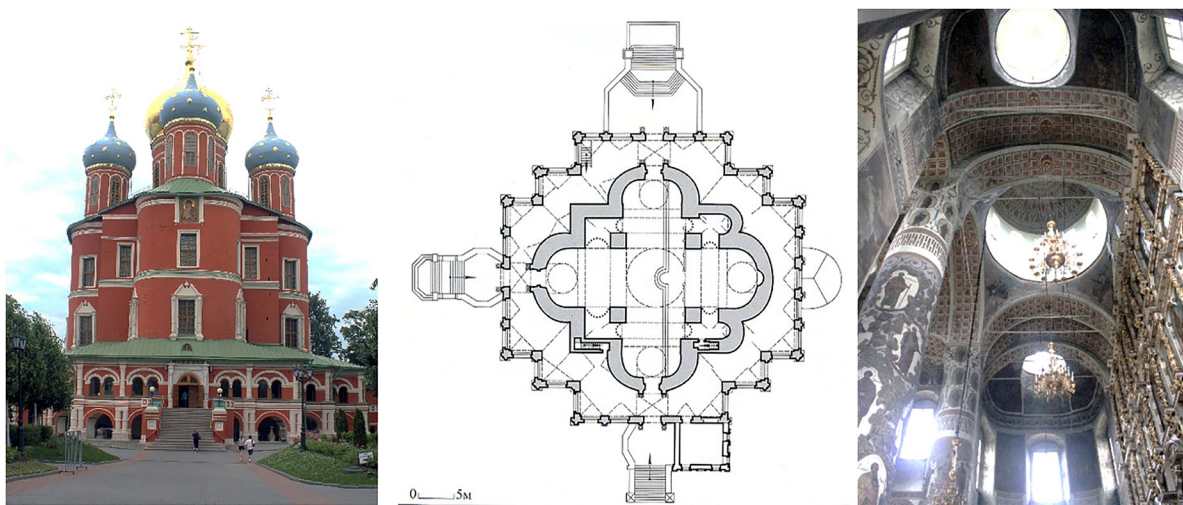

Иллюстрация 6 — Большой собор Донского монастыря. Фасад (фото автора, 2025), план [32, с. 276], интерьер (фото автора, 2025)

Figure 6 — The Bolshoi Cathedral of the Donskoi Monastery. Facade (Photo by the Author, 2025), Plan [32, p. 276], Interior (Photo by the Author, 2025)

На плане собора можно наблюдать, что четыре опоры несколько сдвинуты к востоку таким образом, что восточная пара столбов находится в уровне восточной линии боковых экседр, а западная смещена к центру. Центральная глава, таким образом, также сдвинута к востоку относительно северной и южной глав, что несколько увеличивает пространство западного рукава креста, где у входа обычно собирается большее количество молящихся. В юго-западном углу собора в толще стены имеется винтовая лестница, ведущая на своды.

Расположение глав над экседрами по сторонам света обеспечивает освещение интерьера через окна четырех барабанов, и лишь восточный барабан главы расположен за иконостасом и освещает алтарь. Западные угловые пониженные компартименты, расположенные по диагонали от западных столбов, образуют небольшие укромные пространства для молящихся, а хороший обзор, обеспеченный круглыми столбами, позволяет находящимся в этих углах оставаться зрительно включенными в происходящее сакральное действо. Центральный световой барабан опирается через паруса

на столбы, между которыми перекинута пониженная подпружная арка. Рукава креста перекрыты отрезками коробовых сводов, ограниченных с другой стороны дополнительными пониженными подпружными арками. Боковые главы расположены в углах на дополнительных распалубках и имеют с внутренней стороны слегка заovalенную форму. Равномерное освещение обеспечивается рациональным расположением окон. Прямоугольные «лежачие» окна, имеющиеся на западных гранях угловых компартиментов, позволяют наблюдать за службой находящимся в галерее. Иконостас равномерно освещается через окна барабанов трех глав, поставленных в ряд.

По мнению Вл.В. Седова, столбы с кубоватыми капителями и пристолпными киотами восходят к убранству Успенского собора Московского Кремля, четыре круглых столба которого были в 1660 гг. оформлены пристолпными киотами с иконами, что породило целый ряд церковных памятников 1660–1690 гг., в которых круглые столбы были поставлены на квадратные постаменты [38, с. 107–109]. Подобная конструкция используется в ряде храмов, возведенных по указу или на средства царя Феодора Алексеевича и относящихся к разным архитектурным типам. Среди монастырских соборов круглые столбы на квадратных постаментах были устроены, в частности, в двух двустолпных храмах — Вознесенском соборе Давыдовой пустыни (1676–1682) и Владимирском соборе Сретенского монастыря (1679), а также в четырехстолпном Вознесенском соборе Флорищевой пустыни (1682) [38, с. 107–109]. Кубоватые капители столбов Большого собора Донского монастыря и пониженные подпружные арки, несущие своды, также восходят к интерьеру главного кафедрального Успенского собора, куда они были добавлены при реконструкции свода в 1624 г. архитекторами Б. Огурцовым и Дж. Талером.

Роспись столбов Большого собора выполнена, очевидно, сразу же после окончания его строительства еще в конце XVII в. Столбы увиты живописной виноградной лозой, обрамляющей изображения святых пророков и праотцов [1, с. 28]. Живописная виноградная лоза — символ христианского учения — перекликается с резьбой иконостаса и, будто прорастая через кровлю, первоначально опоясывала периметр собора в виде фриза с изображением желтых виноградных листьев на зеленом фоне [32, с. 275].

Имя зодчего, возводившего Большой собор Донского монастыря, остается по сей день загадкой. Специалисты связывали его оригинальные формы как с украинской художественной традицией, так и с русскими образцами. К последним обычно относится влияние Воскресенского собора Новоиерусалимского монастыря, в особенности крещатое завершение восточной части [11, с. 20–21; 28, с. 358]. В качестве примера украинского храма М.А. Ильин приводил Успенский собор Новгород-Северского (1671–1715), отмечая в нем единство башнеобразных форм, а в качестве русского прообраза указывал на деревянный собор в Шенкурске (1681), в котором подчеркнута ярусность (1681) [17, с. 244, 248; 18, с. 83]. Некоторые авторы предполагали непосредственное участие украинского мастера в строительстве Большого собора Донского монастыря [37, с. 225; 4, с. 224–225].

Исследование архитектурных форм Большого собора Донского монастыря напрямую связано с темой изучения происхождения четырехлепестковых храмовых композиций в русском зодчестве конца XVII в. Непосредственной предшественницей собора должна была стать Воскресенская церковь на Пресне, строительство которой было начато в мае 1681 г. по указу царя Феодора Алексеевича под руководством известного зодчего Осипа Старцева. По первоначальному замыслу постройка должна была

представлять типичный для периода позднего узорочья пятиглавый трехабсидный храм со световой центральной и глухими боковыми главами, трапезной и тремя крыльцами [16, с. 174]. Уже через месяц было велено добавить обходную галерею вокруг храма, алтарей и трапезной [14, с. 129]. Но 30 мая царя Феодор Алексеевич приказал начать строительство другого храма, проектное задание на который опубликовано В.П. Выголовым, предложившим реконструкцию плана крестообразной центрической постройки, имевшей «по заданию» длину рукавов креста «12 сажен с третью» (около 25 м) на котором четыре лепестка-экседры показаны гранеными [8, с. 238–244].

И.Л. Бусева-Давыдова предложила свой вариант реконструкции плана Воскресенской церкви с круглой формой западного и боковых лепестков и трехчастной формой алтаря. Исследовательницей была предложена и реконструкция объемно-пространственного решения постройки, а также конкретный пример украинского зодчества — Никольский собор в Нежине (1658–1669)² — размеры которого совпадают с проектным заданием на постройку пресненского храма. Обмерные чертежи этого пятиглавого (пятибанного) центрического храма с четырьмя гранеными лепестками мог привезти государю посланный им на Украину еще в марте 1681 г. живописец Карп Золотарев, побывавший, в частности, в Киеве, Переяславле, Нежине, Батурине и Глухове [4, с. 220–226].

Постройка новаторской церкви на Пресне не была осуществлена в связи со смертью заказчика — царя Феодора Алексеевича. Проектное задание и чертежи, привезенные Карпом Золотаревым,годились, по мнению Бусевой-Давыдовой, при строительстве Нового собора Донского монастыря. Архимандрит Никон, при котором осуществлялась закладка и первый этап строительства собора, управлял обителью в 1683–1689 гг. и был выходцем с Украины, что объясняло его интерес к украинскому типу храмовых построек. Работами в Донском монастыре мог руководить украинский мастер, приглашенный еще царем Феодором Алексеевичем для возведения усадебной церкви на Пресне и пригодившийся при строительстве Большого собора [4, с. 225].

Влияние украинских архитектурных форм Гетманщины на Большой собор Донского монастыря отмечалось и украинскими исследователями [9, с. 195]. Центрические храмы с крестообразным планом в виде тетраконха и дополнительными камерами, иногда помещенными в углы, считаются наиболее предпочитаемыми в украинском сакральном зодчестве. Они, по мнению украинских специалистов, представляют собой итог процесса сложения национальных особенностей украинского храмостроительства. Национальные черты достигли в подобных сооружениях наиболее полного выражения [42, с. 146–147].

Начало широкого распространения крещатых четырехлепестковых каменных храмов в украинском зодчестве второй половины XVII в. было положено в середине столетия митрополитом киевским Петром Могилой, по инициативе которого в 1640–1643 гг. была «реставрирована» древняя Спасская церковь в Берестове (1113–1125). Пристроенные к древней прямоугольной основе граненые абсида и западная часть, превратили церковь в крещатый пятибанный храм, увенчанный пятью куполами [2, с. 261; 18, с. 80].

Никольский собор в Нежине, построенный на средства полковника Ивана Золотаренко и его брата Василия [7, с. 303], по мнению украинских исследователей, повторяет в камне формы деревянных храмов и является прототипом других каменных крещатых

² Приводим раннюю и позднюю датировки: [34, с. 286–287; 42, с. 149–152].

построек [24, с. 138; 42, с. 151–152]. Центр композиции подобных храмов образован квадратом, увенчанным главой, к которому примыкают рукава пространственного креста, также завершающиеся главами, а углы между ними образованы пониженными, прямоугольными в плане объемами. В интерьере этого казацкого собора читаются пять основных компартиментов крестовой композиции, разделенных подпружными арками стрельчатых очертаний [9, с. 183–185].

План и общие размеры Никольского собора в Нежине (длина сооружения 28,2 м, ширина 24,8, высота до крыши 13,2 м) [34, с. 286–287] действительно обнаруживают большое сходство с планом Большого собора Донского монастыря. В то же время, его ячеистая структура и граненые формы отличаются от объемно-пространственного решения Большого собора, что особенно заметно в интерьере храма. Во внутреннем пространстве нежинского собора восточные опоры скрыты иконостасом, а западные практически «не читаются»: так как угловые компартименты первого яруса не интегрированы в общее пространство храма, они образуют ограниченные стенами помещения (камеры) с отдельными входами с западной стороны. В западной части второго яруса помещены П-образные хоры, связывающие западный и боковые компартименты и открытые в сторону алтаря арочными проемами. Крупный граненый центральный барабан опирается на подпружные арки через плоские паруса. Восьмигранные барабаны боковых глав имеют купольные завершения на восьмигранных сомкнутых сводах. Они опираются на стены и подпружные арки через систему парусов, тропов и усеченных пирамидальных сводов с плоскими гранями, напоминающих перекрытия деревянных храмов (иллюстрация 7).

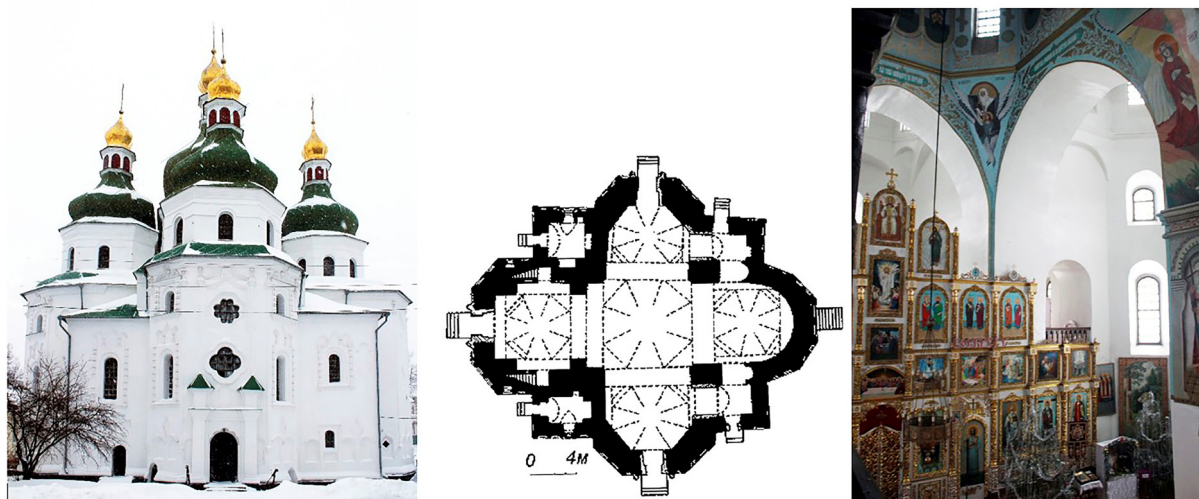

Иллюстрация 7 — Никольский собор в Нежине. Фасад (фото автора, 2015), план [34, с. 286], интерьер (фото автора, 2015)

Figure 7 — St. Nicholas Cathedral in Nizhyn. Facade (Photo by the Author, 2015), Plan [34, p. 286], Interior (Photo by the Author, 2015)

В связи с изучением влияния украинских построек на формирование нового стиля московской архитектуры 1680 гг. в целом и Большого собора Донского монастыря, в частности, хотелось бы обратить внимание на два монастырских собора,

построенных на Левобережной Украине уже после неженского полкового храма, очевидно, под его влиянием.

Первый среди них — Троицкий собор Густынского монастыря (1672–1676, Черниговская область), построенный по заказу гетмана И.С. Самойловича, считается одним из лучших произведений украинского зодчества среди памятников своего круга [42, с. 154–157; 34, с. 322–323]. Храм, имеющий придел св. Иоанна Кущника [3, с. 520–522], был расписан вскоре после строительства [9, с. 202]. Среди первоначальных изображений, не дошедших до наших дней, имелся портрет заказчика — гетмана И.С. Самойловича — с подписью о сооружении им собора в 1674 г. [20, с. 70–72]. С конца XVII в. Троицкий храм стал усыпальницей именитого казацкого рода Горленко.

Интересно, что каменный Троицкий собор построен на месте деревянного храма, который в середине XVII в. также был пятиглавым и имел крестообразные формы. Павел Алеппский так описывает Троицкий собор Густынского монастыря: «Куполов на святой церкви пять; они стоят вместе, в виде креста, средний больше других. Кругом церкви идет навес с решеткой и тремя дверями, над которыми три купола, расположенные параллельно» [44, с. 42].

Формы монастырского каменного крещатого девятичастного пятибанного Троицкого собора Густынского монастыря в общих чертах повторяют решение казацкого полкового Никольского собора в Нежине, расположенного неподалеку [9, с. 201–202]. Общие размеры храмов также приблизительно совпадают. Судя по плану, длина густынского собора составляет около 26 м, а ширина — около 22 м. Важным отличием наружного облика густынского храма являются более крупные объемы рукавов креста (западный чуть более вытянут и его угловые грани меньше по размерам), а также пятигранные формы верхнего яруса угловых компартиментов, подчеркивающие пирамидальность и ярусность его объемно-пространственного решения. В декоративном убранстве прослеживаются ренессансные черты, проявившиеся, в частности, в форме строенных полуциркульных арок с окнами в центре, разделенных полуколонками [9, с. 201]. В интерьере центральный барабан опирается на арки через двухступенчатые трюмпы. Барабаны боковых глав внутренними сторонами опираются на пониженные подпружные арки, а переход на наружные стены осуществлен через трюмпы и трапезиевидные своды [34, с. 323]. В основании подпружных арок помещены сложные многопрофильные импосты. В западной части расположено два яруса хор, соединяющихся внутристенными лестницами и ограниченными деревянными балюстрадами. Восточные стены западных угловых компартиментов во втором ярусе прорезаны арочными проемами с балкончиками. Граненая форма крупных барабанов глав в интерьере сглажена, боковые главы плотно вписаны в рукава креста и в значительно большей степени, нежели в нежинском соборе, интегрированы в общее пространство интерьера (иллюстрация 8).

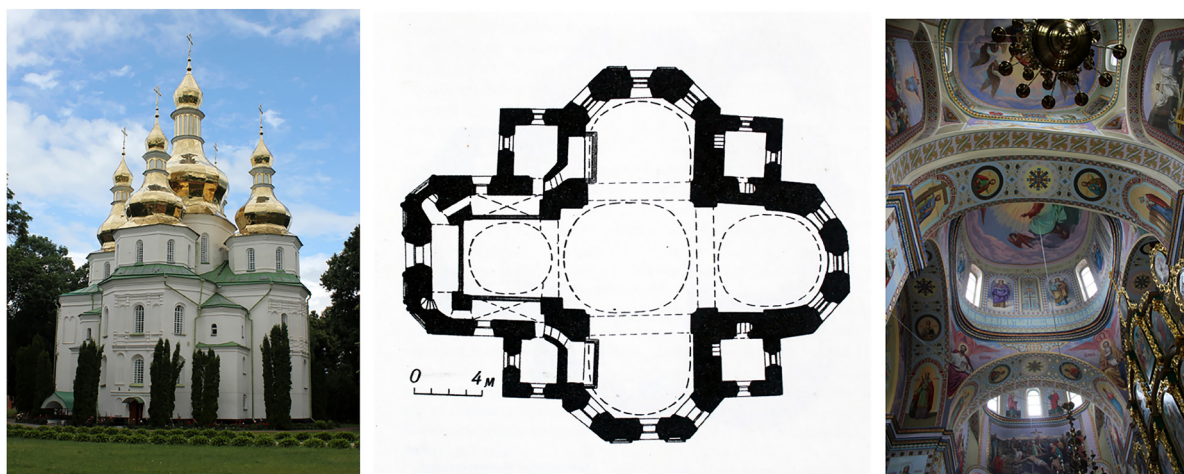

Иллюстрация 8 — Троицкий собор Густынского монастыря. Фасад (фото автора, 2017), план план [34, с. 323], интерьер (фото автора, 2017)
Figure 8 — Trinity Cathedral of the Gustinsky Monastery. Facade (Photo by the Author, 2017), Plan [34, p. 323], Interior (Photo by the Author, 2017)

В целом в облике густынского собора чувствуется влияние ренессансной архитектуры и отход от «деревянной» основы, четко читаемой в нежинском соборе. Пространство интерьера смотрится единым, слитым и очень напоминает интерьер Большого собора Донского монастыря, за исключением имеющихся в последнем свободно расположенных западных опор. Граненые формы верхнего яруса притворов также «подготавливают» скругленные формы боковых абсид Большого собора.

Второй памятник, на который хотелось бы обратить внимание в связи с изучением влияния крещатых пятибашенных храмов на архитектурные формы Большого собора Донского монастыря — не дошедший до наших дней Николаевский собор Крупицкого Николаевского монастыря, расположенного неподалеку от Батурина — гетманской столицы Левобережной Украины в 1669–1708 и 1750–1764 гг. Настоятелем обители в 1682–1683 и 1686–1692 был святитель Димитрий Ростовский (Туптало). Известно, что 11 февраля 1676 г. Крупицкий монастырь получил жалованную грамоту от царя Феодора Алексеевича на приезд монастырских старцев в Москву для сбора милостыни [22, с. 63–66]. Жертвователями монастыря, в котором имелась богатейшая библиотека, были известные представители знатных родов — гетманы Богдан Хмельницкий и Иван Мазепа, киевский воевода Адам Кисель.

Главный монастырский Никольский собор был возведен в 1680–1681 гг. на месте деревянного на средства генерального судьи Войска Запорожского И.М. Домонтовича и представлял собой девятичастный, пятибашенный крещатый храм [6, с. 122–124].

Облик собора можно представить по сохранившимся фотографиям Н.Н. Ушакова, выполненным в 1908 г. (фасад — ГНИМА ОФ-20/9858 [6, с. 122]; интерьер — ГНИМА. ОФ-20/6226), и по плану неизвестного автора, выполненному также в начале XX в. (ГНИМА. ОФ-1229/54). Архитектура утраченного собора явно воспроизводит черты нежинского полкового храма, но с некоторыми отличиями. В частности, на плане можно наблюдать большую вытянутость по оси запад-восток и прямоугольную форму западной экседры.

По описанию известно, что в соборе кроме центрального Никольского престола было два придела: Благовещенский с южной стороны и св. Иоанна Богослова — с северной. Длина от горнего места до западных дверей составляла 17 сажень (около 36 м); ширина — 13 сажень (около 28 м); высота до креста — 21 сажень (около 45 м). Имевшиеся с трех сторон обширные хоры простирались и в боковые алтари. На восточной стороне находился пятиярусный иконостас, закрывавший восточные опоры. А западные, несмотря на наличие обходящих с трех сторон хор, «читались» в пространстве храма. Архиепископ Филарет (Гумилевский) так описывает их: «Свод церкви поддерживают два большие столба, окруженные иконостасами с образами, из которых некоторые украшены серебряными ризами, а другие таковыми же венцами» [41, с. 10–11]. Таким образом, в интерьере Никольского собора Крупицкого монастыря столбы были артикулированы, а не заполнены отрезками стен, что создавало более целостное единое пространство внутри храма, близкое интерьеру Большого собора Донского монастыря. В подцерковье собора имелась усыпальница для погребения знатных людей и членов монастырской братии, там и были захоронены строитель церкви и игумен Исакий [41, с. 10–11].

Фасады собора Крупицкого монастыря были оформлены окнами в два света с полуциркульными завершениями, а также крупными и мелкими нишами, создающими горизонтальный ряд под кровлей. На торцах рукавов креста окна были расположены в два ряда; значительно более крупные нижние окна фланкированы вытянутыми колонками с капителями и вертикальными рядами ниш-широнок, образующими трехчастные декоративные композиции (иллюстрация 9).

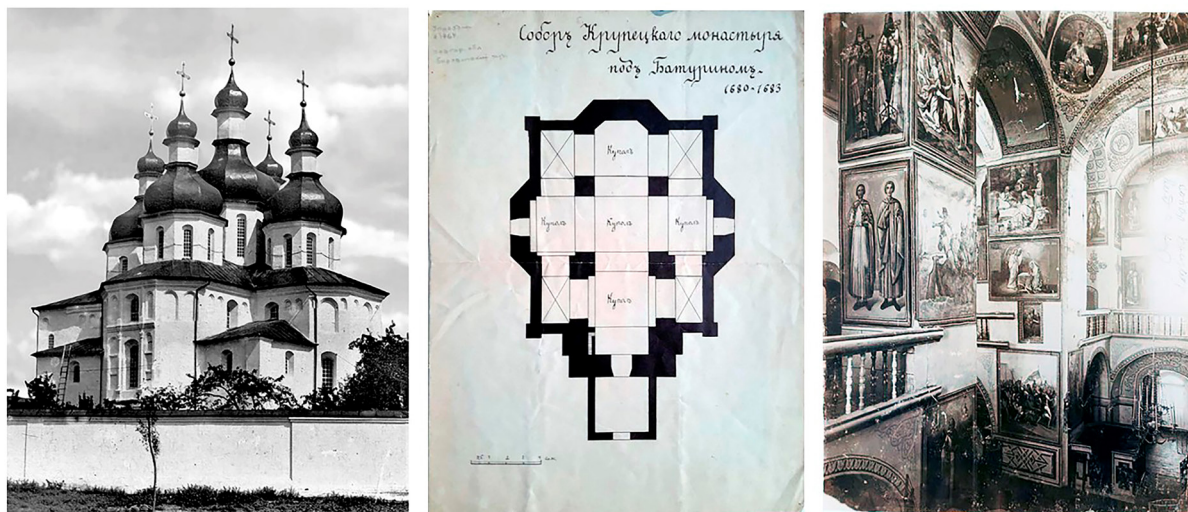

Иллюстрация 9 — Никольский собор Крупицкого монастыря. Фасад (фото Н.Н. Ушакова. 1908 г. [6, с. 122], план (начало XX в. ГНИМА), интерьер (Фото Н.Н. Ушакова. 1908. ГНИМА)
Figure 9 — St. Nicholas Cathedral of the Krupitsky Monastery. The Facade (Photo by N.N. Ushakov. 1908 [6, p. 122], Plan (early XX Century. GNIMA), Interior (Photo by N.N. Ushakov. 1908. GNIMA)

Приведенные в качестве примеров два монастырских украинских собора — густынский и крупицкий, построенные под влиянием Никольского полкового храма в Нежине, обладают рядом отличий, демонстрирующих отход украинских зодчих

от деревянных прототипов крещатого храма и наполнение деталями ренессансной архитектуры. В обоих случаях заметно стремление к интеграции внутреннего пространства, особенно проявившееся в густынском соборе, угловые компартименты которого в верхнем ярусе получили граненую форму. В соборе Крупицкого монастыря сделан шаг к высвобождению западных опор. В обоих монастырских соборах были организованы крипты-усыпальницы в подцерковье. Эти черты мы можем наблюдать и в Большом соборе Донского монастыря, что дает основание утверждать не только об использовании русскими зодчими описания и чертежей Никольского собора в Нежине, а о непосредственной работе украинского мастера в сотрудничестве с русским зодчим при создании московского памятника. Гипотетический украинский мастер мог использовать не только привезенные Карпом Золотаревым обмерные чертежи, но и иметь свои, а также обладать достаточным опытом и знаниями объемно-пространственных решений конкретных украинских монастырских соборов, возведенных совсем недавно и, возможно, указанных ему в качестве образцов.

И Троицкий собор Густынского монастыря, и Никольский собор Крупицкого монастыря, безусловно, были известны русскому царскому двору и знати.

Строительство Троицкого собора в Густынском монастыре связано с именем И.С. Самойловича — гетмана Левобережной Украины в 1672–1687 гг., игравшего важную политическую роль в русско-украинских взаимоотношениях и лично тесно связанного со столичной российской элитой. Он собирался выдать свою дочь Прасковью Ивановну за сына князя В.В. Голицына Алексея, но получил отказ и в итоге выдал ее за боярина Ф.П. Шереметева в начале ноября 1682 г.; свадьба состоялась в Батурине [21, с. 15–48]. Царевна Софья Алексеевна проявляла благосклонность к дочери гетмана Самойловича, молодой боярыне П.И. Шереметевой, во время ее пребывания в Москве [21, с. 60]. В год закладки Большого собора Донского монастыря статус И.С. Самойловича как правителя Малороссии был очень велик. Он был информирован русским правительством о всех внешнеполитических делах и внутриполитических шагах, а его зять П.Ф. Шереметев был назначен воеводой в Киев [21, с. 118]. После свержения Самойловича в 1687 г. в описи его имущества числились «московский двор» и «подмосковная вотчина» [21, с. 125].

С Никольским собором Крупицкого Батурина монастыря связано имя епископа Луцкого Гедеона (князя Святополка-Четвертинского), проживавшего там с осени 1684 г. Именно в Крупицкой обители владыку посещал дипломат и думный дьяк Е.И. Украинцев 12 ноября 1684 г., и в это же время гетман И.С. Самойлович предложил ему епископа Гедеона в качестве кандидата на Киевскую митрополичью кафедру [25, с. 518]. Уже 9 декабря 1684 г. епископ Луцкий Гедеон получил грамоту царей Иоанна и Петра Алексеевичей о принятии его «под высокую царскую руку». 8 ноября 1685 г. в Успенском соборе Московского Кремля Гедеон был возведен в сан митрополита Киевского, Галицкого и всея России и принес присягу на верность Московскому патриарху [25, с. 518], что означало присоединение Киевской митрополии к Московскому Патриархату.

Известно, что митрополит Гедеон активно занимался строительной деятельностью, в частности, реставрацией Святой Софии в Киеве, в которой, судя по форме наличников, очевидно, участвовали русские зодчие [25, с. 517–519]. Вопрос о гипотетической роли митрополита Гедеона в русском архитектурном процессе конца XVII в. рассмотрен нами в работе, касающейся генезиса тетраконхов на русской почве [26, с. 53–70].

Предполагаемое приглашение украинского мастера для строительства Большого собора Донского монастыря могло состояться при содействии епископа (будущего митрополита) Гедеона и руководителя казацких войск в Чигиринских походах гетмана И.С. Самойловича. Предположительно, уже в 1681 г. гетман Самойлович имел с Гедеоном какие-то договоренности по поводу избрания его в киевские митрополиты [21, с. 40]. Впоследствии на второй дочери И.С. Самойловича Анастасии в феврале 1690 г. женился племянник митрополита киевского Гедеона — князь Ю.А. Святополк-Четвертинский, участвовавший во втором Крымском походе [21, с. 153–178].

Приведенные рассуждения о политических и личных связях царского двора, гетмана И.С. Самойловича и митрополита Киевского Гедеона позволяют предположить влияние на формы Большого собора Донского монастыря связанных с этими историческими персоналиями густынского и крупицкого монастырских соборов. Важно также учитывать историческую связь Донского монастыря с Малороссией и строительство собора при игумене Никоне, выходец с Украины, который также лично мог быть знаком с украинскими постройками [4, с. 224–226]. Вспомним также, что Карп Золотарев, отправленный на Украину для описания чертежей, посетил не только Нежин, но в том числе и Батурин, на окраине которого располагается Крупицкий монастырь, а также другие малороссийские города [4, с. 223], возможно Прилуки, неподалеку от которых находится Густынский монастырь.

Приведенный выше анализ трех украинских пятибанных крещатых соборов — нежинского, густынского и крупицкого — позволяют утверждать, что не только план первого полкового храма, но и формы двух монастырских построек были знакомы строителям, возводившим Большой собор Донского монастыря. При этом зодчие хорошо ориентировались и в столичной храмовой архитектуре, в частности, были детально знакомы с Успенским собором Московского Кремля; Владимирским собором Сретенского монастыря; Покровским собором в Измайлове. Важно, что все три украинских собора, рассматриваемые нами в качестве гипотетических образцов при строительстве Большого собора, имеют обширные хоры, в то время как в Большом соборе первоначально имелись лишь небольшие царские хоры у юго-западного столба, впоследствии разобранные. Важно также отметить, что Большой собор Донского монастыря, как и другие памятники нового стиля середины 1680 гг., имеет очень сдержанное фасадное убранство, свидетельствующее о параллельном заимствовании объемно-пространственных и декоративных решений и активном процессе формирования нового стиля московской архитектуры, достигшего апогея уже после заключения Вечного мира с Польшей в 1686 г., то есть после завершения основного этапа строительства Нового собора [39, с. 140–147]. В то же время в декоративном убранстве Нового собора уже намечены основные черты, которые будут далее развиваться в памятниках нового стиля: четкое структурное членение фасадов, применение ордерных элементов, а также окна и порталы, фланкированные колонками и имеющие разорванные навершия.

Украинские формы выражены в лепестковом плане собора и в его общем объемно-пространственном решении с постановкой глав по сторонам света, а «русская идея» — прямая отсылка к главному кафедральному собору — не выставлена напоказ, но «спрятана» в сакральном пространстве интерьера. «Русификация» украинского типа храма полностью совпадает с присоединением Киевской митрополии к Московскому Патриархату и является его визуальным воплощением, своеобразным архитектур-

ным манифестом, ознаменовавшим идею окончательного единения России и Украины на государственном и духовном уровне.

Вопрос об идейном замысле и заказчиках этого грандиозного собора не раз рассматривался специалистами. Указанная в документах царевна Екатерина Алексеевна (1658–1718) была младшей сестрой регентши Софьи Алексеевны (1657–1704). По преданию, царевна получила имя великомученицы Екатерины по видению во сне царю Алексею Михайловичу образа этой святой. По случаю рождения Екатерины Алексеевны под Москвой за селом Царицыном была основана Екатерининская пустынь. Во время Хованского бунта 1682 г. сын стрелецкого главы А.И. Хованский был обвинен в намерении жениться на Екатерине Алексеевне дабы породниться с царской семьей и захватить престол [35, с. 44]. Екатерина Алексеевна поддерживала старшую сестру в противостоянии с Петром, но сторонилась политики. После подавления Стрелецкого бунта 1698 г. некоторое время находилась под стражей в Новодевичьей обители. Впоследствии стала крестной Марты Скавронской, будущей царицы Екатерины I, получившей при крещении имя в ее честь. В Москве царевна проживала в своем доме на Девичьем поле рядом с Новодевичьим монастырем и была похоронена в Смоленском соборе обители [35, с. 44; 43, с. 97]. По описаниям современников царевна Екатерина Алексеевна носила польские наряды, «забросила московские кафтаны, перестала заплетать волосы в одну косу» [45, с. 407].

Уже М.А. Ильин называл заказчиком собора саму царевну Софью Алексеевну [19, с. 477]. По мнению Ю.И. Аренковой и Г.И. Меховой, инициатива исходила именно от царевны Софьи Алексеевны, а главной идеей строительства стала подготовка царевной Софьей крымских походов В.В. Голицына [1, с. 19]. Г.К. Вагнер предполагал, что главенствующая роль в заказе принадлежала царевне Софье Алексеевне и приветствовавшему архитектурные новаторства князю В.В. Голицыну, а также высказывал соображения, что собор мыслился не только как обетный памятник «испрошения победы» в готовящемся крымском походе, но и как «символ единения Москвы с достаточно «европеизированной» Украиной» [5, с. 224–226]. По последним предположениям, строительство Большого собора носит обетный характер и связано с политическим возвышением царевны Софьи Алексеевны [13, с. 293–298].

Следует полностью согласиться с исследователями, добавив лишь, что строительство Большого собора Донского монастыря было, на наш взгляд, связано не только с подготовкой крымских походов, но и с присоединением Киевской митрополии к Московскому Патриархату, и этот памятник выражал в архитектурных формах идею воссоединения с Украиной не только на государственном, но и церковном уровне.

Роли князя В.В. Голицына в строительных инициативах царевны Софьи Алексеевны наиболее активно проявилась в создании ансамбля Новодевичьего монастыря, где были возведены практически все основные постройки, за исключением уже существовавшего древнего Смоленского собора [27, с. 209–236]. Донская обитель с ее камерным Старым собором давала прекрасную возможность соорудить грандиозный Большой собор в присущих строительным инициативам царевны Софьи Алексеевны формах, соединяющих традиционные и новаторские схемы.

Сочетание русских и украинских форм Большого собора Донского монастыря было не просто переработкой украинского типа, а сознательным сочетанием русских и украинских архитектурных черт, уникальным в своем роде, не получившем распро-

странения на русской почве. Единичные примеры ориентации на формы Большого собора выглядят скорее исключением из правил. В Московском регионе таким исключением стала Вознесенская церковь в с. Бурцево, построенная ярославским мастером Никофором Алексеевым (1730–1733, заказчик М.С. Аничков; Наро-Фоминский р-н) [33, с. 67–68]. Сохранившиеся документы указывают, что храм был возведен по образцу Большого собора Донского монастыря [40, с. 84–85]. Важно отметить, что в данном случае мастерами вносятся серьезные изменения. При сохранении лепестковой пятибашенной схемы, столбы в церкви отсутствуют, угловые притворы превращаются в декоративные элементы, а главы ставятся не по сторонам света, а по диагонали — в традиционном для русской архитектуры ключе, т. е. происходит полная «русификация» украинского пятибашенного типа (иллюстрация 10).

Иллюстрация 10 — Вознесенская церковь в Бурцево. Фото А.Н. Яковлева. 2010

Figure 10 — Ascension Church in Burtsevo. Photo by A.N. Yakovlev. 2010

Среди четырехлепестковых пятибашенных вотчинных храмов Московского региона конца XVII в., на архитектуру которых могли оказать влияние формы Большого собора Донского монастыря, следует упомянуть также Казанскую церковь в Узком, возведенную одновременно с завершением строительства Нового собора воспитателем царя Петра I боярином Т.Н. Стрешневым в 1697–1698 гг. [31, № 671]. Однако, Казанская церковь отличается от Большого собора рядом черт. В ней, как и в бурцевской церкви,

отсутствуют внутренние опоры и угловые компартименты, на месте которых в нижнем ярусе поставлены сдвоенные колонны большого ордера. В венчающей части можно наблюдать четкое выделение центральной главы, восьмерик под барабаном которой отделен от восьмериков боковых глав и увеличен за счет дополнительного аттика. Такая композиция позволяет предположить и другой источник заимствования форм — Спасо-Преображенский собор в Изюме (Харьковская область Украины) — первый храм Изюмской крепости (1682–1684). В объемно-пространственном решении изюмского собора отсутствуют угловые камеры и внутренние столбы, а барабаны поставленных по сторонам света пяти глав возвышаются на дополнительных восьмериках [34, с. 103]. При этом в Казанской церкви в Узком мы наблюдаем наличие звонницы, устроенной над западной экседрой, неизвестной в украинских памятниках, а также развитый нарышкинский декор, что вновь свидетельствует об индивидуальном проекте, составленном для этого памятника и кардинальном переосмыслении украинского образца.

Проявление украинского центрического пятибашенного типа в региональной архитектуре почти всегда было связано с непосредственным участием украинских мастеров и церковноначалия. Примерами могут служить формы утраченного Благовещенского собора в Воронеже (1718–1836), построенного, предположительно, украинским мастером каменных дел А. Ключой. Отдельные черты центрического пятиглавого четырехстолпного воронежского храма (круглая, а не граненая форма абсид и барабанов, луковичные главы) были ориентированы на Большой собор Донского монастыря [23, с. 381]. Облик собора известен, в частности, по литографии 1830–1840 гг., выполненной К. Краем по рисунку С.М. Васильева «Перенесение мощей святителя Митрофана Воронежского из Архангельского собора в Благовещенский 1833 г. 25 Июня» (ГНИМА. ОФ-825/7) (иллюстрация 11).

Иллюстрация 11 — Перенесение мощей святителя Митрофана Воронежского из Архангельского собора в Благовещенский 1833 г. 25 Июня. Литография К. Края по рисунку С.М. Васильева. 1830–1840-е гг. ГНИМА

Figure 11 — The Transfer of the Relics of St. Mitrofan of Voronezh from the Archangel Cathedral to the Annunciation Cathedral on June 25, 1833. Lithograph by Ch. Kray Based on a Drawing by S.M. Vasiliev. 1830s – 1840s. GNIMA

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что Большой собор Донского монастыря является ключевым памятником периода регентства царевны Софьи Алексеевны и демонстрирует исключительную роль инициатив царского дома в процессе формирования нового архитектурного стиля конца XVII столетия. «Русификация» украинского типа происходит в разгар борьбы за украинские земли, после Чигиринских и перед Крымскими походами, одновременно с присоединением Киевской митрополии к Московскому Патриархату.

Список литературы

Исследования

- 1 Аренкова Ю.И., Мехова Г.И. Донской монастырь. М.: Искусство, 1970. 160 с.: ил.
- 2 Безсонов С.В. Исторические связи архитектуры России, Украины и Белоруссии в XIV–XVII вв. // Зодчество Украины. Киев: Изд-во Акад. Архитектуры УССР, 1954. С. 251–270.
- 3 Биленко И.В. Густынский во имя Святой Троицы женский монастырь // Православная энциклопедия: в 75 т. М.: ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2006. Т. 14. С. 520–522.
- 4 Бусева-Давыдова И.Л. Об истоках композиционного типа «восьмерик на четверике» в русской архитектуре конца XVII в. // Архитектурное наследство. М.: Стройиздат, 1985. Вып. 33. С. 220–226.
- 5 Вагнер Г.К. Искусство мыслить в камне (опыт функциональной типологии памятников древнерусской архитектуры). М.: Наука, 1990. 256 с., ил.
- 6 Вечерський В.В. Втрачені об'єкти архітектурної спадщини України. Київ: НДІТІАМ, 2002. 592 с.
- 7 Вечерський В.В. Собор св. Миколи // Пам'ятки архітектури та містобудування України: Довідник Державного реєстру національного культурного надбання. Київ: Техніка, 2000. 327 с., 319 с. ил., 14 с.
- 8 Выголов В.П. О развитии ярусных форм в зодчестве конца XVII века // Древнерусское искусство. М.: Наука, 1964. Т. 2: XVII век. С. 236–252.
- 9 Герій О.О. Церкви XVI–XIX століть // Церковне мистецтво України: у трьох томах. Архитектура. Монументальне мистецтво. Харків: Фолио, 2018. Т. 1. С. 143–346.
- 10 Горностаев Ф.Ф. Барокко Москвы // История русского искусства / под ред. И.Э. Грабаря. М.: Изд. И. Кнебель, [б. г.]. Т. II: Допетровская эпоха (Москва и Украина). С. 417–468.
- 11 Доброумов С.И. Донской монастырь в Москве: Исторический очерк. М.: Тип. А. Петцман. 1913. 40 с.: ил.
- 12 Домшак М.И., Мехова Г.И. Новодевичий монастырь // Московский Новодевичий монастырь. К 500-летию основания: Антология. М.: Арткитчен, 2012. С. 201–257.
- 13 Донской монастырь. М.: Издат. центр Донского ставропигиального монастыря, 2015. 800 л.: ил.
- 14 Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1895. Т. 1. XXIV, 759 с., 6 л. пл.
- 15 Забелин И.Е. Историческое описание Московского Ставропигиального Донского монастыря. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1893. 192, [1], [3] с., [5] л. ил.

- 16 Ильин М.А. Зодчий Яков Бухвостов. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 194 с.
- 17 Ильин М.А. Каменное зодчество конца XVII века // История русского искусства. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 4. С. 217–278.
- 18 Ильин М.А. Связи русского, украинского и белорусского искусства во второй половине XVII в. (на материале архитектуры и декоративного убранства) // Вестник Московского университета. 1954. Вып. 7. С. 75–83.
- 19 Ильин М., Моисеева Т., Москва и Подмосковье, Справочник-путеводитель. М.: Искусство, 1979. 636 с.
- 20 Ковалевська О.О. Зображення крізь віки: іконографія козацької старшини XVII–XVIII ст.: в 2 ч. Київ: Изд-во Ін-та історії України НАНУ, 2014. Ч. 1. 314 с.
- 21 Кочегаров К.А. Русское правительство и семья украинского гетмана Ивана Самойловича в 1681–1687 гг. М.: Изд-во ИСл РАН, 2012. 224 с.
- 22 Кочетов Д.В. Крупицкий (Крупецкий) Батуринский во имя святителя Николая Чудотворца женский монастырь // Православная энциклопедия: в 75 т. М.: ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2015. Т. 39. С. 63–66.
- 23 Кригер Л.В., Преображенский А.С. Воронежская и Лискинская епархия. Памятники церковной архитектуры // Православная энциклопедия: в 75 т. М.: ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2005. Т. 9. С. 379–393.
- 24 Логвин Г. По Україні: Стародавні мистецькі пам'ятки. Київ: Мистецтво, 1968. 462 с.
- 25 Лукашова С.С. Геден (Святополк Четвертинский Григорий Захарьевич, кн.) // Православная энциклопедия: в 75 т. М.: ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2005. Т. 10. С. 517–519.
- 26 Мерзлютина Н.А. К вопросу о генезисе тетраконхов в русской церковной архитектуре конца XVII столетия. Определение новых источников и векторов влияний // Архитектурное наследство. СПб.: Коло, 2022. Вып. 77. С. 53–70.
- 27 Мерзлютина Н.А. Формирование архитектурного ансамбля Новодевичьего монастыря при правлении царевны Софьи Алексеевны. К вопросу о роли царского заказа в русской церковной архитектуре конца XVII столетия // Вестник славянских культур. 2024. Т. 74. С. 209–236. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-74-209-236>.
- 28 Некрасов А.И. Очерки по истории древнерусского зодчества XI–XVII вв. М.: Изд-во Всесоюзной Академии Архитектуры, МСМXXXVI. 399 с.
- 29 Николаева М. Н. Иконостасное строительство последней трети XVII века: «столярство и резьба», золочение, иконописные работы: Новодевичий, Донской, Высокопетровский, Симонов монастыри. М.: БуксМАрт, 2019. 448 с.: ил.
- 30 Образы русских святых в собрании Исторического музея / авт.-сост. Л.П. Тарасенко. М.: Изд-во Гос. исторического музея, 2015. 437, [2] с.; цв. ил.
- 31 Памятники архитектуры Москвы. Окрестности старой Москвы (Юго-восточная и южная части территории от Камер-Коллежского вала до нынешней границы города). М.: Искусство-XXI в., 2007. 356, [3] с.
- 32 Памятники архитектуры Москвы. Юго-восточная и южная части территории между Садовым кольцом и границами города XVIII века (От Земляного до Камер-Коллежского вала). М.: Искусство, 2000. 342, [1] с.: ил., карты.
- 33 Памятники архитектуры Московской области. М.: Стройиздат. 2009. Вып. 4. 309 с.
- 34 Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. Киев: Будівельник, 1986. Т. 4. 374, [1] с.

- 35 *Пчелов Е.В.* Романовы. История династии. М.: Олма-Пресс, 2003. 494 с.
- 36 *Ранинский Ю.В.* Загадка Донского монастыря // Строительство и архитектура Москвы. 1974. № 5. С. 28–31.
- 37 *Раппопорт П.А.* Древнерусская архитектура, СПб.: Стройиздат, 1993. 285 [2] с.
- 38 *Седов Вл.В.* Влияние интерьера Успенского собора Московского Кремля на памятники XVII в. // Архитектура в истории русской культуры. М.: УРСС, 1988. Вып. 2: Столичный город. С. 107–109.
- 39 *Седов Вл.В.* Стиль Вечного мира, или Польский ренессанс в Москве // Проект Классика. 2004. Вып. XII–MMIV. С. 140–147.
- 40 Словарь архитекторов и мастеров строительного дела Москвы XV – середины XVIII века / отв. ред. И.А. Бондаренко. М.: URSS, 2008. 772 с.
- 41 *Филарет (Гумилевский),* архиеп. Описание Крупицкого монастыря святого Николая. Чернигов: Губернская типография, 1873. 40 с.
- 42 *Цапенко М.П.* Архитектура Левобережной Украины XVII–XVIII вв. М.: Стройиздат, 1967. 235 с.
- 43 *Шлионская Л.И.* Царские гробницы в Новодевичьем монастыре // Новодевичий монастырь в русской культуре. Мат. научн. конф. 1995 г. М.: Изд-во Гос. исторического музея, 2001. Вып. 99. С. 94–113.

Источники

- 44 *Алеппский П.* Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Москву в XVII веке. (Извлеч.). СПб.: Изд. П.П. Сойкина. 1898. 167 с.
- 45 Дневник зверского избиения московских бояр в столице 1682 году и избрания двух царей Петра и Иоанна / пер. А. Василенка // Старина и новизна. Исторический сборник, издаваемый в Обществе ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. СПб.: Тип. М. Стасюлевича. 1901. Кн. 4. С. 395–407.

© 2025. Natalia A. Merzlyutina
Moscow, Russia

ON THE GENESIS OF THE ARCHITECTURAL FORMS OF THE BOLSHOI CATHEDRAL OF THE DONSKOI MONASTERY

Aknowlegments: This study is based on research supported by the Program of Fundamental Research of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences and of the Ministry of Construction, Housing and Utilities of the Russian Federation, 2025, topic 1.1.1.4.

Abstract: The study examines the Bolshoi Cathedral of the Donskoi Monastery, an important monument of Russian church architecture. The first stage of construction took place in 1684–1686 during the regency of Tsarevna Sophia Alekseyevna (1682–1689), initiated by her younger sister, Catherine Alekseyevna with full completion and consecration of the cathedral only in 1698. The construction of the grandiose Novy Cathedral is traditionally associated with the preparations for Prince Vasily Golitsyn's

Crimean campaigns in 1687 and 1689. At the same time, its construction may have marked another important historical event of the mid-1680s: the accession of the Metropolitanate of Kiev to the Moscow Patriarchate. The architectural design of the cathedral features a deliberate combination of Ukrainian forms, evident in its centric plan and volumetric layout with the placement of its domes according to the cardinal directions, as well as Russian “roots” that are reflected in the interior of the church, where the circular pillars on square pedestals directly “quote” the features of the sacred space of the Assumption Cathedral of the Moscow Kremlin. The construction of the Bolshoi Cathedral was apparently carried out by Ukrainian and Russian craftsmen, who not only had the design specifications and drawings of a Ukrainian church (as previously assumed, the St. Nicholas Cathedral in Nizhyn), but also had firsthand knowledge of the specific features of Ukrainian buildings, such as the Trinity Cathedral of the Gustinsky Monastery (1672–1676), commissioned by Hetman Ivan Samoilovich, and the St. Nicholas Cathedral of the Krupitsky Baturyn Monastery (1680–1681), from which Bishop Gideon was summoned to Moscow and ordained as Metropolitan of Kiev, Galicia, and All Russia.

Keywords: The Bolshoi Cathedral of the Donskoi Monastery, Tsarevna Sofya Alekseevna and tsarevna Ekaterina Alekseevna, Church Architecture, Royal Construction.

Information about the author: Natalia A. Merzlyutina — PhD in Arts, Leading Researcher, the Department of the History of Architecture and Urban Planning of the Ancient World and the Middle Ages, Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, Dushinskaya St., 9, 111024 Moscow, Russia.

E-mail: merzlyutina@mail.ru

Received: September 11, 2025

Approved after reviewing: November 17, 2025

Date of publication: December 28, 2025

For citation: Merzlyutina, N.A. “On the Genesis of the Architectural Forms of the Bolshoi Cathedral of the Donskoi Monastery.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 78, 2025, pp. 291–319. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-78-291-319>

References

- 1 Arenkova, Iu.I., Mekhova, G.I. *Donskoi monastyr'* [Donskoi Monastery]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1970. 160 p. (In Russ.)
- 2 Bezsonov S.V. “Istoricheskie svyazi arkhitektury Rossii, Ukrainy i Belorussii v XIV–XVII vv.” [Historical Connections between the Architecture of Russia, Ukraine, and Belarus in the 14th – 17th Centuries]. *Zodchestvo Ukrainy*. [Architecture of Ukraine]. Kiev, Academy of Construction and Architecture of the Ukrainian SSR Publ., 1954, pp. 251–270 (In Russ.)
- 3 Bilenko, I.V. “Gustynskii vo imia Sviatoi Troiisy zhenskii monastyr'” [“The Holy Trinity Monastery of the Holy Trinity”]. *Pravoslavnaia entsiklopediia: v 75 t.* [Orthodox Encyclopedia: in 75 vols.], vol. 14. Moscow, Church Science Center “Orthodox Encyclopedia” Publ., 2006, pp. 520–522. (In Russ.)
- 4 Buseva-Davydova, I.L. “Ob istokakh kompozitsionnogo tipa ‘vos'merik na chetverike’ v russkoi arkhitekture kontsa XVII v.” [“On the Origins of the ‘Octagon on a Quadrangle’ Composition Type in Russian Architecture of the late 17th Century”]. *Arkhitekturnoe nasledstvo* [Architectural Heritage], vol. 33. Moscow, Stroiizdat Publ., 1985, pp. 220–226 (In Russ.)

- 5 Vagner, G.K. *Iskusstvo myslit' v kamne (opyt funktsional'noi tipologii pamiatnikov drevnerusskoi arkhitektury)* [*The Art of Thinking in Stone (An Essay on the Functional Typology of Old Russian Architectural Monuments)*]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 256 p., il. (In Russ.)
- 6 Vechers'kii, V.V. *Vtracheni ob 'ekti arkhitekturnoi spadshchini Ukraïni* [*Lost Objects of Architectural Heritage of Ukraine*]. Kiïv, NDITIAM Publ., 2002. 592 p. (In Ukrainian)
- 7 Vechers'kii, V.V. “Sobor sv. Mikoli” [“St. Nicholas Cathedral”]. *Pam'iatki arkhitekturi ta mistobuduvannia Ukraïni: Dovidnik Derzhavnogo reestru natsional'nogo kul'turnogo nadbannia* [*Monuments of Architecture and Urban Planning of Ukraine. Directory of the State Register of National Cultural heritage*]. Kiev, Tehnika Publ., 2000. 327 p., 319 p. il., 14 p. (In Ukrainian)
- 8 Vygolov, V.P. “O razvitii iarusnykh form v zodchestve kontsa XVII veka” [“On the Development of Tiered Forms in Architecture of the Late 17th Century”]. *Drevnerusskoe iskusstvo* [*Old Russian Art*], vol. 2: XVII vek [17th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1964, pp. 236–252. (In Russ.)
- 9 Gerii, O.O. “Tserkvi XVI–XIX stolit'” [“Churches of the 16th – 19th Centuries”]. *Tserkovne mistetstvo Ukraini: u tr'okh tomakh. Arkhitektura. Monumental'ne mistetstvo* [*Church art of Ukraine: in 3 Vols. Architecture. Monumental Art*], vol. 1. Har'kiv, Folio Publ., 2018, pp. 143–346. (In Ukrainian)
- 10 Gornostaev, F.F. “Barokko Moskvu” [“Baroque of Moscow”]. *Istoriia russkogo iskusstva* [*The History of Russian Art*], vol. II: Dopetrovskaia epokha (Moskva i Ukraina) [*The Pre-Petrine Era (Moscow and Ukraine)*], ed. by I.E. Grabaria. Moscow, Izdanie I. Knebel' Publ., [s. a.], pp. 417–468. (In Russ.)
- 11 Dobroumov, S.I. *Donskoi monastyr' v Moskve: Istoricheskii ocherk* [*The Donskoi Monastery in Moscow: A Historical Essay*]. Moscow, Tipografiia A. Pettsman Publ., 1913. 40 p.: il. (In Russ.)
- 12 Domshlak, M.I., Mekhova, G.I. “Novodevichii monastyr'” [“Novodevichy Monastery”]. *Moskovskii Novodevichii monastyr'. K 500-letiiu osnovaniia: Antologiiia* [*Moscow Novodevichy Monastery. To the 500th Anniversary of the Foundation: Antology*]. Moscow, Artkitchen Publ., 2012, pp. 201–257. (In Russ.)
- 13 *Donskoi monastyr'* [*The Donskoi Monastery*]. Moscow, Izdatel'skii tsentr Donskogo stavropigial'nogo monastyria Publ., 2015. 800 p.: il. (In Russ.)
- 14 Zabelin, I.E. *Domashnii byt russkogo naroda v XVI i XVII stoletiiakh*. [*Domestic Life of the Russian People in the 16th and 17th Centuries*], vol. 1. Moscow, Tovarishchestvo tipografii A.I. Mamontova Publ., 1895. XXIV, 759 p., 6 plates. (In Russ.)
- 15 Zabelin, I.E. *Istoricheskoe opisanie Moskovskogo Stavropigial'nogo Donskogo monastyria* [*Historical Description of the Moscow Stavropegial Donskoi Monastery*]. Moscow, Tovarishchestvo tipografii A.I. Mamontova Publ., 1893. 192, [1], [3] p., [5] il. (In Russ.)
- 16 Il'in, M.A. *Zodchii Jakov Bukhvostov* [*Architect Yakov Bukhvostov*]. Moscow, Academy of the Sciences of the Soviet Union Publ., 1959. 194 p. (In Russ.)
- 17 Il'in, M.A. “Kamennoe zodchestvo kontsa XVII veka” [“Stone Architecture of the Late 17th Century”]. *Istoriia russkogo iskusstva* [*The History of Russian Art*], vol. 4. Moscow, Academy of the Sciences of the Soviet Union Publ., 1959, pp. 217–278 (In Russ.)
- 18 Il'in, M.A. “Sviazi russkogo, ukrainskogo i belorusskogo iskusstva vo vtoroi polovine XVII v. (na materiale arkhitektury i dekorativnogo ubranstva)” [“Connections of

- Russian, Ukrainian and Belarusian art in the Second Half of the 17th Century (Based on the Material of Architecture and Decorative Decoration)"]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 7, 1954, pp. 75–83. (In Russ.)
- 19 Il'in, M., Moiseeva, T., *Moskva i Podmoskov'e, Spravochnik-putevoditel'* [Moscow and the Moscow Region, Travel Guidebook]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 636 p. (In Russ.)
- 20 Kovalevs'ka, O.O. *Zobrazhennia kriz' viki: ikonografiia kozats'koï starshini XVII–XVIII st.: v 2 ch.* [Image through the Centuries: Iconography of the Cossack Foreman of the 17th – 18th Centuries: in 2 parts], part 1. Kiïv, Institute of History of Ukraine Publ., 2014. 314 p. (In Ukrainian)
- 21 Kochegarov, K.A. *Russkoe pravitel'stvo i sem'ia ukrainskogo getmana Ivana Samoilovicha v 1681–1687 gg.* [The Russian government and the family of the Ukrainian Hetman Ivan Samoilovich in 1681–1687]. Moscow, Institute of Slavic Studies of the RAS Publ., 2012. 224 p. (In Russ.)
- 22 Kochetov, D.V. “Krupitskii (Krupetskii) Baturinskii vo imia sviatitelia Nikolaia Chudotvortsa zhenskii monastyr” [“Krupitsky (Krupetsky) Baturinsky Convent of St. Nicholas the Wonderworker”]. *Pravoslavnaia entsiklopediia: v 75 t.* [Orthodox Encyclopedia: in 75 vols.], vol. 39. Moscow, Tserkovno-nauchnyi tsentr “Pravoslavnaia Entsiklopediia” Publ., 2015, pp. 63–66. (In Russ.)
- 23 Kriger, L.V., Preobrazhenskii, A.S. “Voronezhskaia i Liskinskaia eparkhiia. Pamiatniki tserkovnoi arkhitektury” [“Voronezh and Liskinsky Diocese. Monuments of Church Architecture”]. *Pravoslavnaia entsiklopediia: v 75 t.* [Orthodox Encyclopedia: in 75 vols.], vol. 9. Moscow, Tserkovno-nauchnyi tsentr “Pravoslavnaia Entsiklopediia” Publ., 2005, pp. 379–393. (In Russ.)
- 24 Logvin, G. Po Ukraïni: Starodavni mistets'ki pam'iatki [In Ukraine: Ancient Art Monuments]. Kiev, Mistetstvo Publ., 1968. 462 p. (In Ukrainian).
- 25 Lukashova, S.S. “Gedeon (Sviatopolk Chetvertinskii Grigorii Zakhar'evich, kn.)” [“Gedeon (Svyatopolk Chetvertinsky Grigory Zakharievich, Book)”]. *Pravoslavnaia entsiklopediia: v 75 t.* [Orthodox Encyclopedia: in 75 vols.], vol. 10. Moscow, Tserkovno-nauchnyi tsentr “Pravoslavnaia Entsiklopediia” Publ., 2005, pp. 517–519. (In Russ.)
- 26 Merzliutina, N.A. “K voprosu o genezise tetrakonkhov v russkoi tserkovnoi arkhitekture kontsa XVII stoletii. Opredelenie novykh istochnikov i vektorov vliianii” [“On the Genesis of Tetraconches in Russian Church Architecture of the Late 17th Century. Identifying New Sources and Vectors of Influence”]. *Arkhiturnoe nasledstvo* [Architectural Heritage], vol. 77. St. Petersburg, Kolo Publ., 2022, pp. 53–70. (In Russ.)
- 27 Merzliutina, N.A. “Formirovanie arkhitekturnogo ansamblia Novodevich'ego monastyria pri pravlenii tsarevny Sof'i Alekseevny. K voprosu o roli tsarskogo zakaza v russkoi tserkovnoi arkhitekture kontsa XVII stoletii” [“The Formation of the Architectural Ensemble of the Novodevichy Convent During the Reign of Tsarevna Sophia Alekseyevna. On the Role of Royal Orders in Russian Church Architecture in the Late 17th Century”]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 74, 2024, pp. 209–236. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-74-209-236>
- 28 Nekrasov, A.I. *Ocherki po istorii drevnerusskogo zodchestva XI–XVII vv.* [Essays on the History of Ancient Russian Architecture of the 11th – 17th Centuries]. Moscow, Russian Academy of Architecture and Construction Sciences Publ., MCMXXXVI, 399 p. (In Russ.)

- 29 Nikolaeva, M. N. *Ikonostasnoe stroitel'stvo poslednei treti XVII veka: "stoliarstvo i rez'ba", zolochenie, ikonopisnye raboty: Novodevichii, Donskoi, Vysokopetrovskii, Simonov monastyri* [*Iconostasis Construction in the Last third of the 17th Century: "Carpentry and Carving", Gilding, Icon Painting: Novodevichy, Donskoi, Vysokopetrovsky, Simonov Monasteries*]. Moscow, BuksMArt Publ., 2019, 448 p.: il. (In Russ.)
- 30 Tarasenko, L.P. *Obrazy russkikh sviatykh v sobranii Istoricheskogo muzeia* [*Images of Russian Saints in the Historical Museum Collection*]. Moscow, State Historical Museum Publ., 2015, 437, [2] p.; colour. il. (In Russ.)
- 31 *Pamiatniki arkhitektury Moskvy. Okrestnosti staroi Moskvy (Iugo-vostochnaia i iuzhnaia chasti territorii ot Kamer-Kollezhskogo vala do nyneshnei granitsy goroda)* [*Architectural Monuments of Moscow. Surroundings of Old Moscow (the Southeastern and Southern Parts of the Territory from the Kamer-Kollezhsky Val to the Current City Border)*]. Moscow, Iskusstvo-XXI v. Publ., 2007. 356, [3] p. (In Russ.)
- 32 *Pamiatniki arkhitektury Moskvy. Iugo-vostochnaia i iuzhnaia chasti territorii mezhdu Sadovym kol'tsom i granitsami goroda XVIII veka (Ot Zemliano do Kamer-Kollezhskogo vala)* [*Architectural monuments of Moscow. The southeastern and southern parts of the territory between the Garden Ring and the borders of the 18th-century city (from Zemliany to Kamer-Kollezhsky Val)*]. Moscow, Iskusstvo Publ., 2000. 342, [1] p., il., karty. (In Russ.)
- 33 *Pamiatniki arkhitektury Moskovskoi oblasti* [*Architectural Monuments of the Moscow Region*], vol. 4. Moscow, Stroiizdat Publ., 2009. 309 p. (In Russ.)
- 34 *Pamiatniki gradostroitel'stva i arkhitektury Ukrainskoi SSR* [*Monuments of Urban Planning and Architecture of the Ukrainian SSR*], vol. 4. Kiev, Budivel'nik Publ., 1986. 374, [1] p. (In Russ.)
- 35 Pchelov, E.V. *Romanovy. Istoriia dinastii* [*The Romanovs. The History of the Dynasty*]. Moscow, Olma-Press Publ., 2003. 494 p. (In Russ.)
- 36 Raninskii, Iu.V. "Zagadka Donskogo monastyria" ["The Mystery of the Donskoi Monastery"]. *Stroitel'stvo i arkhitektura Moskvy*, 1974, no. 5, pp. 28–31. (In Russ.)
- 37 Rappoport, P.A. *Drevnerusskaia arkhitektura* [*Ancient Russian Architecture*]. St. Petersburg, Stroiizdat Publ., 1993. 285 [2] p. (In Russ.)
- 38 Sedov, V.I.V. "Vliianie inter'era Uspenskogo sobora Moskovskogo Kremliia na pamiatniki XVII v." ["The Influence of the Interior of the Assumption Cathedral in the Moscow Kremlin on 17th-Century Monuments"]. *Arkhitertura v istorii russkoi kul'tury* [*Architecture in the History of Russian Culture*], vol. 2: *Stolichnyi gorod* [Capital city]. Moscow, URSS Publ., 1988. pp. 107–109. (In Russ.)
- 39 Sedov, V.I.V. "Stil' Vechnego mira, ili Pol'skii renessans v Moskve" ["The Style of Eternal Peace, or the Polish Renaissance in Moscow"]. *Proekt Klassika*, no. XII-MMIV, 2004, pp. 140–147. (In Russ.)
- 40 *Slovar' arkhitektorov i masterov stroitel'nogo dela Moskvy XV – serediny XVIII veka* [*Dictionary of Architects and Masters of Construction in Moscow of the 15th – mid-18th Century*], ex. ed. I.A. Bondarenko. Moscow, URSS Publ., 2008. 772 p. (In Russ.).
- 41 Filaret (Gumilevskii), arhiep. *Opisanie Krupitskogo monastyria sviatogo Nikolaia* [*Description of the Krupitsky Monastery of St. Nicholas*]. Chernigov, Gubernskaia tipografiia Publ., 1873. 40 p. (In Russ.).
- 42 Tsapenko, M.P. *Arkhitertura Levoberezhnoi Ukrainy XVII–XVIII vv.* [*Architecture of Left-bank Ukraine of the 17th – 18th Centuries*]. Moscow, Stroiizdat Publ., 1967. 235 p. (In Russ.)

- 43 Shlionskaia, L.I. “Tsarskie grobnitsy v Novodevich'em monastyre” [“The Royal Tombs in the Novodevichy Monastery”]. *Novodevichii monastyr' v russkoi kul'ture. Materialy nauchnoi konferentsii 1995 g.* [*Novodevichy Monastery in Russian culture. Materials of the scientific conference 1995*], vol. 99. Moscow, State Historical Museum Publ., 2001. pp. 94–113. (In Russ.)